

Поевзывает деде Михотеву К. Еванг
Из глухой сибирской деревеньки
Уходит на далекий фронт боя
Ему шину встало воевать...
Все вздохами „Ох совсем не юнец“

Три прощания горьким и коротким
Листик медный шина подает,
На котором старая шина
Угольком нахермана была.

„Ты храни, сынок, а все и пригодится
Не забудет он тебя в пути.
Ну, прощай, Господи все Святее
От францезских пуль тебя храни!“

Мальчик взял бушманку неохотно:
Все пустое! Бога-то ведь нет...
(Так, во всякой сутане, уны
Его думать с самых малых лет).

Но будете маму, когда узнаете,
что уходите, можете, навсегда,
это глупо, нелепо и жестоко,
Будет так в любые времена.

Дальше курс короткой подготовки
(Он зачислен в военный бы делат)
на земле свдизенной Новгородской
выполнять задание отряд.

В январе их взяли в окружение,
В маленьком заброшенном селе,
И тогда в промозглой старой бане
Выбрали позицию себе.

Там за огородами, есть лесок
В нем солдаты уже партизаны идут.
Только как сквозь орешки пулеметные
Они к ним прорвутся, добегут?

Но решившись утром на рассвете
Бросили укрытия свое,
Взвизг не спал и сразу же их ветры
Адемы, уносящими огнем.

Он бежал в пуробах утопая,
Он не видел больше ничего,
Только сосны черные ливками
Перед взором гаснущим его.

Из отряда военным им восемь,
Семь оттуда в госпиталь ушли,
А шестой сидурского мальчишки
Вся была избита в решето.

Вся она от вергота до пяток
Пылыми изрезана была,
Но не раны бы и да же не задела
Вскочить по его телу ни одна.

Тот парнишка латышский - Россию
и Европу позже прошагал,
но тех дней в районе Старой Руссы
никогда у нас не забывал.

Что спало? Удача ли простая,
или Клоуна бумажка у груди?
(Тот, который, в партию вступая,
законам он где-то по пути).

Не дай мне ответ. Познанию такое
нам, увы, от веры не дано,
но в душе как будто что-то шепчет
и твердит всечасно лишь одно:

Вера, вера в Бога и в Отчизну,
и молитвы наших матерей -
вот, что и хранит и защищает
зек от века на Руси людей!